

"Русская вилла" в Женеве - часть 2 | La "Villa Russe" à Genève - 2ème partie

Автор: Наталья Беглова, [Женева](#) , 27.05.2015.

"Русская вилла" между 1932 и 1945 годами. (Из частной коллекции)

Мы [продолжаем рассказ](#) о необычном доме, существовавшем в Женеве до 1945 года, своеобразном швейцарском центре толстовства, убежище многих русских эмигрантов.

|

La "Villa Russe" à Genève - 2ème partie

Почему в Женеву? Наверное, не в последнюю очередь на это решение повлиял тот факт, что Павла Николаевна в свое время училась здесь на медицинском факультете,

была одной из первых женщин-слушательниц. Когда в России разразился голод, Павла, бросив учебу, вернулась в Россию помогать Толстому. Проникнувшись его идеями и разочаровавшись в медицине, образование в Женеве она решила не продолжать.

Еще одним аргументом в пользу Женевы, по-видимому, было то, что здесь обосновались хорошие знакомые Бирюковых – Вера Величкина и ее муж Бонч-Бруевич, - также вынужденные покинуть Россию.

Отец Павлы Николаевны Бирюковой был богат - владел заводом по переработке древесины. Благодаря полученному ею наследству Бирюковы смогли купить в Онэ, местечке, которое тогда было еще пригородом Женевы, довольно большой участок земли – около трех гектаров, на которых находились несколько домов. В одном из них было десять комнат, там и поселилась большая семья Бирюковых, в которой воспитывались трое приемных детей, бездомных ребят, усыновленных еще в России. Этот дом, частично сохранившийся до сих пор, находится в парке, примыкающем к зданию мэрии Онэ.

Вот как описывает свой приезд в Женеву сам Павел Бирюков в небольшой автобиографии, написанной им в 1922 году: «Когда я с моей будущей женой и с тремя приемными детьми приехал и поселился в Женеве, мы решили, что жить в городе для нас не имеет смысла, и на деньги, которые были у жены, мы приобрели кусок земли с домом и поселились там, и прожили около 20 лет. Там и выросли все наши дети».

В 1900 году появился на свет первенец – Борис, в 1902 году – дочь Ольга, и в 1903 году - Лев. В Швейцарии Павел Бирюков и Павла Шарапова официально оформили свои отношения. Правда, Бирюков, пойдя на это, по-прежнему разделял негативное отношение к институту брака, типичное для толстовского мировоззрения. Так, в своем письме от 21 мая 1914 года он писал: «Я человек семейный, следовательно, калека, хожу хромя».

Бирюковы приняли решение подать прошение о получении швейцарского гражданства. Они пошли на этот шаг, прежде всего, потому, что хотели иметь возможность поехать в Россию, ведь въезда туда Павлу Ивановичу был запрещен. Став швейцарскими гражданами, он получал большую свободу передвижений. Правда, швейцарское гражданство Бирюковы получили лишь 20 октября 1914 года. К тому моменту Павлу Ивановичу уже давно разрешили вернуться в Россию, и семья там побывала.

Павел Иванович и Павла Николаевна Бирюковы с дочерью Ольгой.
Начало 1900-х гг. Женева

Большой дом становится тесен для разросшейся семьи, и к нему пристраивают террасу. Вскоре усадьба в Онэ получила название «Русская вилла». И не только потому, что там поселилась семья Бирюковых. Дело в том, что очень скоро его дом стал прибежищем для всех русских, которые нуждались в крыше над головой. На «Русскую виллу» в Онэ стекались толстовцы, духоборы и другие сектанты, бежавшие от преследований царского правительства. Постепенно вилла превратилась в своеобразную толстовскую колонию, пропагандировавшую идеи писателя. Иногда в доме вдруг появлялись, а потом исчезали и очень странные личности: бездомные студенты, оставшиеся без средств эмигранты, просто какие-то бродяги, неизвестно как оказавшиеся в Женеве. И всем им семейство Бирюковых старалось помочь. Как относились к этому женевские власти? Как ни странно, положительно. Порой именно администрация, полиция, русская церковь и даже русское консульство в Женеве направляли на виллу в Онэ русских, с которыми не знали, что делать. Все были уверены: из самых запутанных и сложных ситуаций этим русским поможет выпутаться семья, поселившаяся в Онэ.

Бирюков пользовался авторитетом и у всей русской эмигрантской колонии, в том числе и среди представителей большевистского движения. Именно сюда, в Онэ, приезжал Ленин за подписью поручителя для принятия в закрытую для широкого доступа библиотеку «Общества любителей чтения». У Татьяны Беррада-Бирюковой хранится копия бланка заявления Ленина в библиотеку, подписанная Палом Бирюковым.

Некоторые, оказавшись на вилле в Онэ однажды, оставались надолго. Такова история появления там Антона Григорьевича Ляхоцкого, довольно оригинальной фигуры. Этот сын священника Киевской епархии, сам учившийся в духовной

семинарии, вместо священнослужителей подался в революционеры. В 1876 году был арестован за распространение нелегальной литературы, бежал из тюрьмы, скрывался в Австрии. Оттуда был выслан и оказался каким-то образом в Женеве. Здесь он, узнав о семействе Бирюковых, попросился к ним пожить, да так и остался. В Женеве все его звали Кузьма – это была его подпольная кличка. Несколько лет Кузьма сотрудничал с известным революционером, теоретиком анархизма П. А. Кропоткиным, жившим в эти годы в Кларансе. С 1879 года Петр Алексеевич Кропоткин издавал в Женеве газету "Le Révolté" ("Бунтарь"). Когда городские типографии перестали, опасаясь властей, печатать ее, Кропоткину удалось купить в долг маленькую типографию. Наборщиком в новой "Юрской типографии" и стал Кузьма. Он тогда еще не знал как следует французского языка и порой набирал совершенно фантастические слова собственного сочинения. Тем не менее, работу удалось наладить. "Мы, — писал Петр Алексеевич в «Записках революционера», — были с ним (с Кузьмой, прим. автора) в самых лучших отношениях, и под его руководством я сам вскоре научился немного набирать". Газета выходила вплоть до ареста Кропоткина во Франции в 1882 году.

П.И. Бирюков. 1890-е гг. Любительская фотография. (© Государственный музей Л.Н. Толстого)

В одном из домов, находившихся в усадьбе в Онэ, Кузьма создал свою небольшую типографию. Интересные детали работы типографии Кузьмы содержатся в мемуарах соратника Ленина В.А. Карпинского, который в годы Первой мировой войны организовал издание центрального органа большевиков газеты «Социал-демократ». Он рассказывает о том, сколько мучений доставлял им процесс издания марксистской литературы. К этому времени типография Ляхоцкого была настолько популярна в русской эмигрантской среде, что из России посылки для него отправляли, почти как в известном рассказе Чехова, только вместо «на деревню дедушке», стояло: «Швейцария, Кузьма».

Денег в партийной кассе было чрезвычайно мало, платить большие суммы за издание своей литературы большевики не могли. А тут как назло откуда-то взялась жена Кузьмы – Кузьмиха, которая требовала от мужа, чтобы он не связывался с «босьями», а брал заказы от солидной публики, которая хорошо оплачивала его работу. Ленин очень нервничал и постоянно теребил Карпинского, требуя от него «бюллетень настроения Кузьмихи», поскольку зачастую от этого зависело издание большевистской литературы. А лишь у Ляхоцкого были русские шрифты. Поэтому вопрос о типографии Кузьмы на вилле Бирюковых был постоянной темой записок и писем Ленина. Вот лишь несколько выдержек из них, опубликованных в Полном собрании сочинений 1970 года издания .

«Что же это с № 44? Или Кузьмиха повернула решительно против нас? Торопился я с № 44 ужасно, не успел выправить статей, не видал корректур — и вдруг застопорило».

«Неужели наборщик опять «запил»? или опять взял чужую работу?? Теперь дьявольски важно без промедлений выпускать... Ради бога, отвечайте скорее».

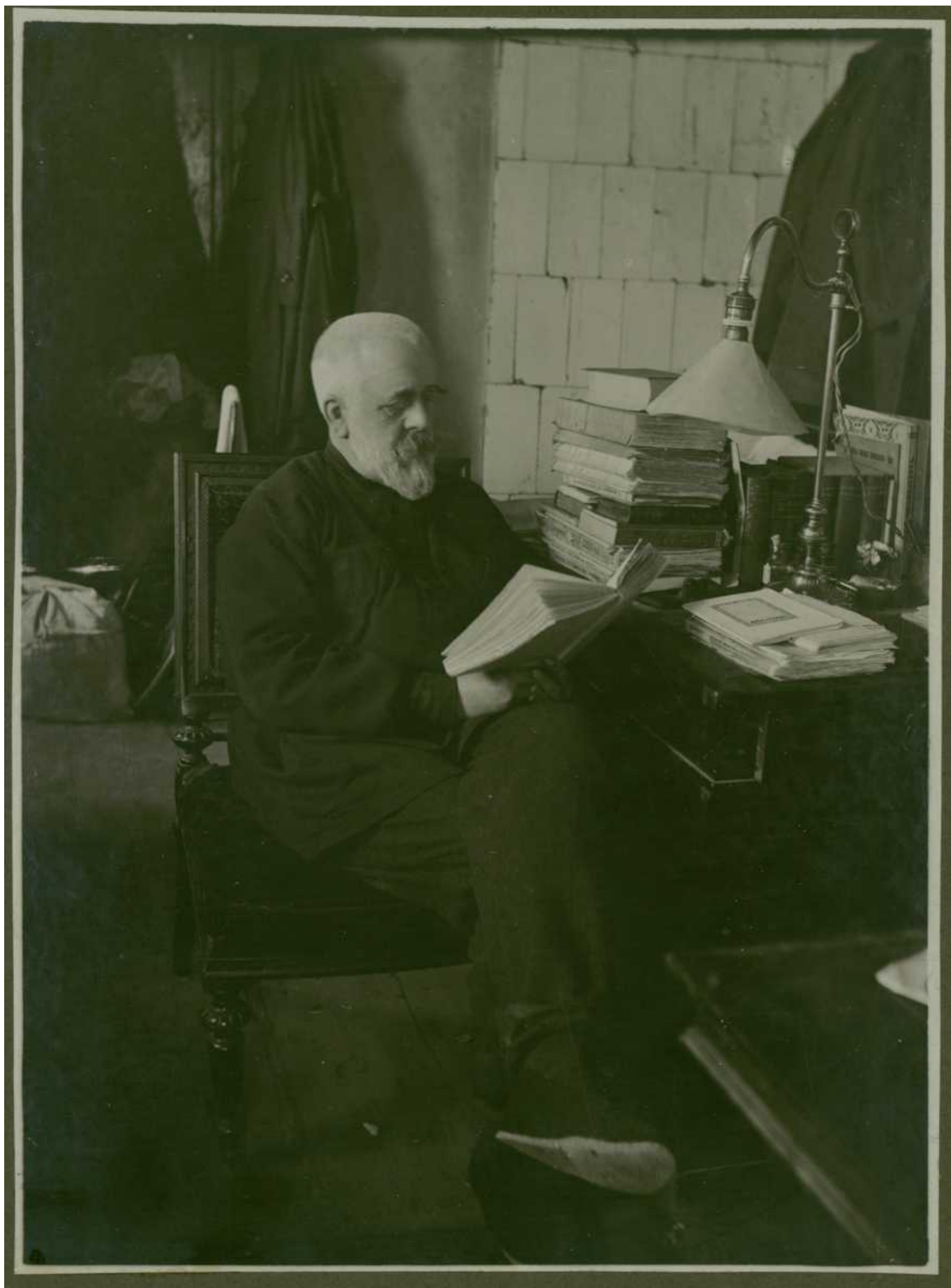
В типографии Кузьмы на вилле в Онэ была набрана и знаменитая брошюра В.И. Ленина «Социализм и война».

Семья Бирюковых в Швейцарии завязывает тесные отношения со многими русскими эмигрантами. Особенно близко они сходятся с [Николаем Александровичем Рубакиным](#), известным писателем и книголюбом, с которым Павел Иванович уже и раньше сотрудничал в Петербурге в издательстве «Посредник». У Рубакина, жившего в Кларансе, была большая библиотека, да и у Бирюкова неплохая - ею пользовались Ленин, Плеханов, Бонч-Бруевич и многие другие русские революционеры, скрывавшиеся в Швейцарии. Татьяна Беррада-Бирюкова рассказала, что как-то в конце 1970-х она зашла в известный книжный магазин Слаткина. Слаткин, выходец из России, известный библиофил, в ответ на ее вопрос, нет ли у него какой-то нужной ей книги, ответил: «Если эта книга и есть, то только в библиотеке Павла Бирюкова». По его мнению, библиотека Бирюкова была одной из самых значительных частных библиотек не только в Швейцарии, но и в Европе.

На своей большой территории Бирюковы разбили сад, создали огород. Овощи и фрукты шли на стол семье, все члены которой, следуя учению Толстого, были строгими вегетарианцами, а также на прокорм многочисленных гостей. Правда, все,

кто находил на вилле приют – временный или затянувшийся – должны были отбывать повинность на работах в саду и на огороде. Над строгим вегетарианством семейства Бирюковых подсмеивались, правда, добродушно их знакомые. Так, сын Николая Александровича Рубакина, Александр, вспоминал: «Вся семья Бирюковых иногда приезжала к нам в гости в Кларан. Они привозили с собой какую-то особенную растительную пищу, из которой варили для себя какие-то блюда, похожие на клейстер». (Цитата по: Михаил Шишкин. Русская Швейцария. Москва, Астрель, 2011) Не знаем, о какой пище говорил Александр Рубакин, но со слов Татьяны Беррада-Бирюковой известно, что когда сын Бирюковых Борис решил отказаться и от коровьего молока, Павла Николаевна начала собственноручно «добывать» для него молоко из миндаля.

Находясь в Швейцарии, Бирюков работает не покладая рук. Он издает сборник «Свободное Слово» и журнал «Свободная Мысль». В 1901 году выпускает книгу «Духоборы». Но основным делом Павла Ивановича становится работа над биографией Льва Толстого.

П.И. Бирюков. Конец 1920-х гг. Москва. Профессиональная фотография (© Государственный музей Л.Н. Толстого)

В августе 1904 года Бирюков получает разрешение вернуться в Россию и в течение

последующих десяти лет живет то в Швейцарии, то в России. В конце 1904 года он едет в Ясную Поляну и проводит там чуть больше недели - беседует со Львом Николаевичем, уточняет детали его биографии. Толстой активно помогает «Поше» в его работе. Личный врач Толстого Душан Петрович Маковицкий оставил об этом периоде подробные воспоминания, вот один из любопытных эпизодов:

«Бирюков рассказал, что сегодня был у него яснополянский мужик Степан Резунов, по прозвищу Курзик; ему 83 года.

- Единственный старше меня в Ясной, - сказал Л[ев] Н[иколаевич] - Вместе косили.- Л[ев] Н[иколаевич] вспомнил, что тот отморозил себе пальцы, когда пьяный лежал. Хотели ему их отнять в Туле, он не согласился. Мягкие части с них облезли, остались одни кости, которые при движениях гремели. Тогда он взял топор и отрубил их». (Маковицкий Д.П. У Толстого. Яснополянские записки. Книга 1. 1904 -1905. Москва, Наука, 1979)

И еще один любопытный отрывок беседы Бирюкова с Толстым: «Бирюков сказал, что тем, кто служит, нужна какая-то власть, какая бы то ни было, а то им некому служить. Поэтому не разбирают, кто царствует. Л[ев] Н[иколаевич]: Петр III и Павел были лучше, чем какими их представляют, потому что убили их и надо было их оклеветать, чтобы оправдать себя. Наоборот, Екатерина, Александр I были гораздо хуже, чем их описывают. Об Александре I Л[ев] Н[иколаевич]сказал, что он не был таким просвещенным, каким его историки изображают: он был человек хитрый, лукавый».

И чуть ниже продолжает тему о российских императорах: «Отвечая на его (Бирюкова) вопросы, Л. Н., между прочим, рассказал, что Александра Николаевича (Александра II) он встречал два раза, не кланялся ему. Раз на лестнице фотографического заведения; у него было испуганное лицо, как у травленного зайца».

Первый том биографии Толстого выходит в 1905 году, а в 1907-м Бирюков переезжает на житье в Кострому, поближе к родным местам. Он заведует отделом народного образования губернского земства, является попечителем земской школы в селе Ивановское. Школу создает Павла Николаевна Бирюкова на деньги, которые дал известный промышленник и меценат Савва Морозов. Она же и преподает в ней, но продолжается это недолго. Как уже говорилось, Павла Николаевна не признавала религию и не поместила в классе икону, как это было положено делать. В итоге школу скоро закрыли.

Павел Иванович активно готовит к изданию второй том биографии Толстого, который и выходит в 1908 году. Уже в то время биография Толстого издается не только на русском языке, она переводится на французский, немецкий, английский, чешский, итальянский, шведский и финский. Третий том был закончен Бирюковым в 1909 году, а четвертый в 1922-м.

Бирюков, возможно, и не обладал большим литературным талантом, но в его биографии Толстого, написанной несколько сухо, содержится бесценное количество деталей из жизни писателя, многие из которых были сообщены Бирюкову самим Толстым, и их было невозможно больше нигде найти. Случалось и так, что даже сам Лев Николаевич забыл эти детали, а Бирюков их запомнил и записал. Тот же Маковицкий вспоминает, как в 1908 году 80-летний Толстой сидел у себя в кабинете, читал корректуру своей биографии, написанной Бирюковым, потом он вышел в зал и

обратился к своим домочадцам: «Что за чудо приключилось со мной... Подите, пойдемте все. Я вам почитаю сон, какой я видел сорок три года тому назад».

Отношения между Толстым и Бирюковым были не только отношениями учителя и ученика, но и чисто дружескими, теплыми. Даже когда они не виделись, между ними не прерывалась переписка. Впоследствии она была издана отдельной книгой не только на русском языке, но и на французском.

В 1911 году Бирюков переезжает в Москву, из земства в Костроме ему пришлось уволиться – не всех устраивали его политические взгляды и общественная позиция. В Москве он работает в издательстве И.Д. Сытина, занимается публикацией произведений Льва Толстого, выпускает полное собрание сочинений писателя в 20 томах, принимает участие в организации выставки 1911 года, посвященной творчеству Льва Николаевича в Историческом музее Москвы. На деньги, собранные от продажи билетов на выставку, был открыт Московский музей Л.Н. Толстого, директором которого и стал Павел Бирюков.

Но в 1914 году Бирюковым приходится вернуться в Швейцарию. Есть разные версии того, почему они уехали из России. По словам Татьяны Беррада-Бирюковой, появились сведения, что Павел Иванович может быть снова арестован. Сам Бирюков объяснял позднее отъезд семьи его изгнанием из Земства и постоянным преследованием цензурой его литературной и издательской деятельности министерства... Столыпина» (Столыпин с 1906 года возглавлял Министерство внутренних дел - прим. автора). Некоторые авторы пишут, что семья уехала из России, поскольку старшего сына Бориса призвали в армию, а он, будучи толстовцем и придерживаясь принципа непротивления злу насилием, не мог пойти воевать. На наш взгляд, эта информация неверная, так как Борису в это время было лишь 14 лет и армия ему угрожать не могла.

П.И. и П.Н. Бирюковы со своими детьми Ольгой, Борисом и Львом. Конец 1907 г.(?) Женева (Швейцария). Фотография F. Voissonas (© Государственный музей Л.Н. Толстого)

Старший сын Бирюковых был не только убежденным толстовцем и вегетарианцем, но и, в отличие от родителей, глубоко религиозным человеком. Дом в Онэ находился очень далеко от русской церкви, но Борис регулярно ходил туда на службу пешком, а проходить службу в швейцарской армии отказался, предпочтя отбыть три месяца тюремного заключения. Это недолгое пребывание в тюрьме в корне изменило его жизнь. Там он познакомился с основателем коммунистической партии Швейцарии и проникся коммунистическими убеждениями.

Когда началась Первая мировая война, сторонники Льва Николаевича Толстого в России обратились к народам мира с воззванием против нее. Павел Бирюков сумел получить текст этого воззвания, перевел его на французский язык и добился публикации в журнале «Demain», редактором которого был известный французский поэт и публицист Анри Гильбо (Henri Guilbeaux), в будущем один из основателей Коммунистической партии Франции.

1919 год. Советская Россия в блокаде. В стране голод. Павел Бирюков, находившийся в Швейцарии, не мог остаться равнодушным к страданиям русского народа, как когда-то не смог безучастно смотреть на притеснения в отношении духоборцев. Теперь, 22 года спустя, он пишет воззвание, «Спасите Россию!». Павел Бирюков обращается с призывом к трудящимся тех стран, которые объявили негласную войну Советскому государству – к трудящимся стран Антанты, и, прежде всего, к рабочим Великобритании.

Копию воззвания передала автору Татьяна Бирюкова-Берруда. Видимо, этот призыв был опубликован в нескольких английских изданиях (в частности, «Daily Herald» от 11 октября 1919 года и «Foreign Affairs» за ноябрь 1919 года) и, по крайней мере, в одном французском.

То, что пишет в своем послании Павел Бирюков, удивительным образом перекликается с событиями сегодняшнего дня. Бирюков, обращаясь к правительствам Антанты, призывает их остановиться, прекратить блокаду Советского государства, поскольку эта блокада наносит удар не по советскому правительству, а прежде всего, по русскому народу. Кого хочет наказать Европа? – вопрошает он. Правительство Советов, которое европейские страны воспринимают как врага? Страны Антанты хотят перекрыть кислород новым правителям России, но на деле заставляют страдать народ нового государства. Заканчивая свое воззвание, Бирюков обращается уже не к правительствам Европы, а к ее трудящимся: «Как близкий друг Льва Толстого, всю жизнь боровшегося против зла в мире, я позволяю себе обратиться к вам. От имени ушедшего из жизни великого учителя я говорю вам: «Братья, трудящиеся, спасите Россию!»

Не думаем, что Павел Бирюков был настолько наивен, чтобы всерьез рассчитывать повлиять своим письмом на позицию правительств европейских стран. Но это воззвание было, прежде всего, актом гражданского мужества, демонстрацией его приверженности гуманистическим идеалам, которым он был предан с молодости.

В 1920 году Павел Иванович с семьей вновь приехал в Россию. Думал, навсегда. Почему Бирюковы решили вернуться? Павел Иванович был убежден, что раз в советском государстве отменили частную собственность, значит, нечего будет защищать, и не будет насилия. Воцарится всеобщее равенство и братство. Он действительно в это верил и мечтал работать, как он говорил «в обновленных условиях жизни страны». (В. Ф. Булгаков. «О Толстом. Дружья и близкие»)

Перед отъездом Бирюков даже передал в дар городу Женеве посмертную маску Льва Толстого и слепок с его руки. Этими вещами, полученными после смерти Толстого на память от семьи писателя, Бирюков дорожил чрезвычайно.

В Москве Павел Иванович вместе с дочерью Ольгой работал в системе народного образования. Основная его работа была связана с Толстовским музеем, где он получил должность заведующего архивом рукописей. В 1922-1923 годах вышла в свет «Биография Льва Николаевича Толстого» в четырех томах, осуществилась заветная цель его жизни.

Нашла себя дело по душе и Павла Николаевна, она преподавала язык детям и подросткам из неблагополучных семей, вела курсы и для взрослых. Однажды с ней произошел забавный эпизод, о котором рассказывали в семье: после окончания занятий обнаружила, что пропала ее шуба. Зима, мороз, как идти домой? И вот один из ее подопечных, солдат, отдал ей свою шинель, а сам, в одной ветхой гимнастерке пошел сопровождать ее до дома, где и получил шинель обратно. По делам службы она общалась с Надеждой Константиновной Крупской, которая уделяла большое внимание работе с детьми. Как говорила впоследствии Павла Николаевна, это был самый счастливый период ее жизни.

Интересную работу подыскали и для старшего сына Бирюковых Бориса. Поскольку он

прекрасно владел французским языком, его взяли в Народный комиссариат иностранных дел, он стал личным секретарем Народного комиссара Г. В. Чичерина. Сыграло роль, безусловно, и то, что он уже состоял членом Швейцарской коммунистической партии. В 1924 году Борис был направлен на работу в советское консульство в Париж. Впоследствии он много лет проработал в органах НКВД. Ясно, что в Советской России Борис распрощался со своими идеями молодых лет и больше не рассматривал тезис о непротивлении злу насилием как непреложный закон бытия. Кстати, и от вегетарианства он тоже отказался. Тут уместно привести отрывок из воспоминаний Маковицкого, который описывает такой эпизод. Как-то заговорили о детях Бирюковых, и Лев Николаевич сказал о Борисе: «Он умный и ужасно конфузится. Это значит, что он сосредоточен на своем внутреннем. И Татьяна, и Маша (дочери Толстого – примечание автора) говорят про Бориса Бирюкова, что он противный. Когда ожидают от детей плохого, есть столько же шансов, что они плохие, как и то, что они добрые».

Возможно, не окажись Борис Бирюков на родине, не полюбил бы он мяса и уж, тем более, не реализовался бы его шанс на то, чтобы стать «плохим» - в том, что, работая в 30-годы в НКВД, он умудрился остаться «добрым», есть основания сомневаться. Правда, Татьяна Беррада-Бирюкова утверждает, что Борис смог, даже работая в органах, не замараться. Более того, он, якобы, помогал людям, которых собирались арестовать. По ее словам, у Бориса работала домработницей дочь кулака, и он спас не только ее, но и всю ее семью. И даже войну он прошел, не убив ни одного человека, поскольку работал в политотделах. Что же, все может быть. Теперь уже трудно установить, насколько старший сын Бирюковых смог воплощать в Советском Союзе принципы непротивления злу насилием.

Павел Бирюков, хотя и работал, как я уже сказала, в музее Толстого, оказался не так востребован, как раньше. Его кипучая энергия требовала новой интересной работы, а такой ему не давали. Бирюков чувствовал, что ему не слишком доверяли. Не больно нравилось на новой родине и дочери Ольге. К тому же в 1924 году семнадцатилетняя девушка от постоянного недоедания серьезно заболела. Отец и дочь вернулись обратно в Швейцарию. Павла Николаевна с ними на сей раз не поехала, она не захотела бросить дело, которому отдавала всю свою душу. Позднее, когда Ольга поправилась, она отправилась на учебу в Париж, она увлекалась искусством, училась в знаменитой Школе изящных искусств Парижа, среди ее друзей были Жан-Поль Сартр, Андре Жид - люди, чьими именами позднее стала гордиться Франция.

Все эти годы Павла Бирюкова продолжает волновать судьба духоборов. По приглашению духоборов, которым он когда-то помог перебраться в Канаду, он вновь едет в эту страну, где у него случается удар, по-современному - инсульт. Ольга, бросив учебу, отправилась в Канаду и привезла отца на виллу в Онэ. Вскоре и Николаевна возвратилась в Швейцарию ухаживать за мужем. Павел Иванович был частично парализован и прикован к постели, но он мужественно переносил болезнь. Даже диктовал свои воспоминания дочери Ольге.

В конце жизни, по словам тех, кто его видел, он излучал доброту, свет и буквально поражал «своим прекрасным, светлым настроением, своей любовью, как бы невольно изливавшейся из его существа на людей и не все окружающее. <> Светлое добродушие явилось как бы венцом той неустанной, продолжительной работы над собой и над улучшением своего характера, которая производилась Павлом Ивановичем, как верным последователем учения Толстого», делится воспоминаниями

Булгаков.

Павел Бирюков умер в 1931 году. Согласно завещанию, его тело было кремировано, а прах развеян в саду усадьбы. После смерти мужа Павла Николаевна получала множество писем от друзей и просто людей, которые знали Павла Бирюкова. Вот отрывок из ее записки Бонч-Бруевичу: «Множество писем получаю я после его смерти. Ромен Роллан пишет про Павла Ив.: «Я видел, я слышал через него Толстого, более чистого, более мягкого».

Усадьба в Онэ перешла в собственность Павлы Николаевны и детей. Не обладая достаточными финансовыми средствами, они были вынуждены продать большую часть принадлежавшей им территории. Павлы Николаевны не стало в 1945-м году. В течение последующих лет земля, которую поделили на несколько отдельных участков, переходила из рук в руки. Участки делились на еще меньшие, застраивались, и вскоре почти ничего не осталось от той «Русской виллы», какой она была во времена Бирюкова. Единственная дочь Бирюковых, Ольга, умерла в 1991 году, чуть-чуть не дожив до 90 лет. Всю свою жизнь она была предана отцу, осталась преданной и его памяти. Ольга Бирюкова проделала огромную работу по подготовке к публикации переписки Толстого и Бирюкова на французском языке. Эта переписка под названием «Tolstoï. Socialisme et Christianisme. Correspondance. Tolstoï-Birioukoff» (Толстой. Социализм и Христианство. Переписка. Толстой-Бирюков) вышла в Париже в 1957 году в издательстве Grasset. Переписка Толстого и Бирюкова вошла в полное собрание сочинений писателя, но лишь на французском языке она вышла отдельной книгой. Ольга Бирюкова не только написала предисловие к публикации, но снабдила практически каждое письмо пояснениями и комментариями.

До конца своих дней, как рассказывает Татьяна Бирюкова, Ольга Павловна сохраняла удивительный оптимизм и волю к жизни, которые унаследовала от родителей. В последние годы она уже не могла выходить из квартиры, но каждый Новый год, когда часы били двенадцать, она открывала окно и кричала в ночь: «С Новым Годом, Земля!».

Основной дом, в котором когда-то жила семья Бирюковых, в 1946 году был полностью перестроен очередным владельцем. Нетронутыми остались лишь два помещения: одна комната на первом этаже и другая - на втором. Сегодня этот дом находится в собственности жительницы Женевы Сюзанны Катари, которая чтит память Бирюковых. В бюллетене, издаваемом Женевским генеалогическим обществом (Société genevoise de généalogie), она опубликовала материал об истории дома и любезно предоставила в распоряжение автора старинную фотографию.

Редакция Нашей Газеты.ch благодарит Государственный музей Л.Н. Толстого за предоставленные фотографии.

[Женева](#)

[памятники культуры](#)

[достопримечательности швейцарии](#)

Статьи по теме

["Русская вилла" в Женеве](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/culture/19627>